

Желание быть счастливым¹

Источник: Сергеева А.В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А.В. Сергеева. – 8-е изд. – М. : Флинта : наука, 2012 – С.22-29

«Всякому — свое счастье» «Горя бояться — счастья не видать»
Русские народные пословицы

Каждый человек хочет быть счастливым и задает себе вопрос, что же такое счастье. Многие философы пытались ответить на этот вопрос. Известно, что нравственная проблематика счастья возникла и активно разрабатывалась еще в древнегреческой философии (Платон, Сенека, стоики и др.). В сознании европейских народов она была особенно тесно связана с христианским вероучением. «Блаженны плачущие» — одна из евангельских заповедей, а счастье — это награда за терпение в борьбе с трудностями, за кротость, честность и справедливость.

Православие сильно повлияло на сознание русских, особенно на их жизненную философию счастья. В рамках этой системы представлений о счастье, как это ни парадоксально, важнейшее значение имеет компонент страдания. Иностранцы уже очень давно подметили эту особенность русской ментальности и окрестили русских мазохистами, ипохондриками, чуть ли не душевнобольными людьми. Такое представление грубо и поверхностно. На самом деле русские воспринимают счастье не само по себе, не как отдельный факт или сторону жизни, которую можно просто организовать, «устроить», добиться и т.д. Они воспринимают счастье комплексно: в связи со страданием и несчастьем. Между счастьем и несчастьем для русских есть причинно-следственные отношения. Об этом и русские поговорки: «Не было бы счастья, да несчастье помогло», «Горя бояться — счастья не видать», «Кто нужды не ведал, тот и счастья не знает» и др. Эта же идея выражалась в русских народных песнях. На это обратил внимание великий русский поэт Александр Пушкин, который не уставал удивляться тому, что «несчастье в семейной жизни — отличительная черта характера русского народа. Обычное содержание русских песен — или жалоба красавицы, которую выдают замуж насильно, или упреки молодого мужа нелюбимой жене...».

Подобное внимание к несчастью отразилось и во всей русской классической литературе XIX века, где преобладает тема сложной человеческой судьбы, духовных страданий. Причем здесь нет трагизма в стиле Шекспира, с кипением страсти и потоками крови, но скорее, изломанность судьбы, неустроенность в личной жизни, неблагополучие ранимой души, неудовлетворенность жизнью. Это чувство душевного дискомфорта. О страдающей душе в русской литературе и фольклоре говорится таким образом, что невольно приходишь к выводу: страдания — это и есть проявление души, а значит и самой жизни! И отсутствие страдания не означает счастья в жизни, чисто это знак одиночества и душевного холода или просто признак глупости и неразвитой личности.

Именно таким образом тема «русской души» разработана в романах Ф. Достоевского. Его книги убеждают читателя в том, что страдания ценны, потому что они очищают и возвышают человека. Страдать просто необходимо, чтобы стать личностью. Только после страданий человек становится душевно более тонким, внимательным к чужой жизни и переживаниям, он способен сочувствовать и сострадать другим людям. «Беда научит человека мудрости», говорят русские.

Такое повышенное внимание к печальным сторонам жития определило в свою очередь очень скромные позиции счастья в жизни. Счастье — это мечта, идеал, в лучшем случае — короткий эпизод в жизни, который нельзя вернуть.

Показательно, что в рамках русского менталитета очень важна проблема морального права быть счастливым, проблема счастья и вины. Например, почему в жизни часто бывает так, что казалось бы, есть все внешние атрибуты счастья, достигаются все поставленные цели, реализуются все возможные желания, но счастливым человек, увы, не становится. Почему так происходит? Человеку мешает какое-то моральное чувство. Вспомним в связи с этим начало

¹ Текст приводится в полном объеме. Какой фрагмент выбрать для работы с учащимися — на усмотрение учителя

трагедии А. Пушкина «Борис Годунов». Он говорит: «Достиг я высшей власти... Но счастья нет моей душе. Ни власть, ни жизнь меня не веселят; Предчувствую небесный гром и горе... / Ах! чувствую: ничто не может нас / Среди мирских печалей успокоить; / Ничто, ничто... едина разве совесть».

Значит, чтобы стать счастливым, обязательно наличие чистой совести, отсутствие чувства вины за что-то — вот принцип русского архетипа. В нем заметна даже некоторая боязнь счастья, чувство неловкости и психологического дискомфорта из-за того, что кто-то рядом может быть несчастлив, страдает. Человек как бы стесняется своего счастья. Поэтому на вопрос «Как дела?» русский никогда не ответит так, как европеец или американец. Демонстрация своего счастья и успешности жизни воспринимается русскими как признак «душевной глухоты», недалекости, даже глупости. На вопрос «Счастливы ли вы?» русский человек ответит совсем не так, как американец, он постарается уклониться от прямого ответа или смягчить его («не несчастлив»).

Это очень отличает русских людей от западных. Преувеличенно «счастливые» ответы, например, европейцев и особенно американцев понятны: здесь надо быть счастливым, всегда чувствовать себя «на уровне» и улыбаться. И неважно, что происходит у тебя внутри. Воспитанный человек этого не должен показывать. В противном случае можно потерять кредит доверия и уважения у сослуживцев и знакомых, потерять шансы на карьеру и высокое положение в обществе. Неудачники в западном обществе не могут рассчитывать на снисхождение или хотя бы на равное к себе отношение по сравнению с теми, кто благополучен и у кого все о'кей.

Интересен и такой момент: образ жизни, (не)счастье и (неудовлетворенность жизнью не всегда тесно связаны между собой. Например, по данным опросов общественного мнения⁷, в России 75% населения недовольны своей жизнью, материальным благополучием, они жалуются на то, что живут без надежды, не имеют идеалов, испытывают напряжение, раздражение, тоску и другие отрицательные чувства.

Такое обилие несчастливых и мрачно настроенных людей не может не настораживать. Недавно социолог О. Здравомыслова провела в своем выступлении по российскому радио передачу с аналогичным опросом. И выяснилось, что Россия по количеству несчастливых в личной жизни людей оказалась непревзойденным лидером: 42% русских признали себя несчастливыми, а вот среди англичан таких оказался всего 1%, а среди американцев их совсем не оказалось⁷. И вот что странно: казалось бы, и в этих странах существуют причины чувствовать себя несчастливыми: и там половина браков рушится после первого же года жизни, и там в семьях есть конфликты, и там болеют, а дети доставляют не только радости. А вот нет! При всех жизненных неудачах и проблемах они не считают себя несчастными! И такая жизненная позиция вызывает у русских только уважение и зависть.

Оптимистическое отношение к жизни нельзя объяснять только материальным благополучием. Проводимые Институтом Гэллага международные обзоры по разным странам и регионам не показывают тесных связей между уровнем экономического благосостояния этих народов и их ощущением счастья. Например, уже давно известно, что латиноамериканцы, живущие на грани нищеты, более счастливы, чем европейцы. Страны ЕЭС, казалось бы, по своим экономическим показателям приблизительно одинаковы. Но вот выяснилось, что более всего удовлетворены своей жизнью бельгийцы, датчане и голландцы, в то время как у французов, англичан и итальянцев этот показатель самый низкий⁷. Поэтому можно сказать, что при всеобщем стремлении к счастью у каждого народа есть своя точка отсчета, свое представление о счастье-несчастье, связанное с их культурными традициями.

Наиболее же интересной особенностью русских представляются их способность к состраданию, доброжелательность, внимание к тем, кто несчастлив и нуждается в помощи. Русские воспринимают чужое несчастье без всякого осуждения, презрения, тем более — без чувства превосходства. Потому что несчастье для них — это не результат личной ошибки, а удар судьбы, это беда, от которой никто не застрахован: «От сумы и от тюрьмы не зарекайся», говорит русская пословица.

Интересно, что этимология соответствующих слов русского и французского языка совершенно различна, что само по себе говорит о разнице в представлениях этих народов о счастье. Во французском языке *bonheur* буквально означает «хорошее время», «добрый час», передающее чувство, которое можно испытать даже от самых простых вещей: от хорошей еды,

вкусного кофе, солнечного дня, не говоря уже о более значительных проявлениях удачи. Н. Бердяев в своей книге «Самопознание» утверждает, что *«французы по сравнению с нами, русскими, умеют наслаждаться жизнью, извлекать из нее максимум приятного, получать удовольствие от вкушения блюд интеллектуальных и— блюд материальных...»*.

Для русского человека такое отношение к жизни не всегда понятно. Часто французы оставляют у русских впечатление людей гораздо менее претенциозных в своих требованиях к жизни, менее самоуверенных по сравнению с ними самими. Французам как бы проще и легче быть счастливыми, они не так требовательны и нервны, как сами русские.

Почувствовать «счастье по-русски» совсем не просто! Ведь само русское слово *счастье* связано с древнеиндийским *sb-* («хороший») и словом *часть* — т.е. судьба, а все вместе — «хорошая судьба». Хотя другие историки языка объясняют, что *счастье* связано с *«совместным участием»* в чем-то. Для счастья «по-русски» нужно что-то такое, что не всегда имеет материальное выражение. То есть чтобы ощутить себя счастливым, русскому недостаточно хорошей еды или комфорта, солнечного дня или даже удачи — ему все будет мало. Ведь речь идет не больше не меньше, как о судьбе, о связи с другими людьми!

Поэтому не стоит упрекать русских в том, что они часто неулыбчивые, грустные, что не стесняются жаловаться на жизнь, и их песни — тоже грустные и наводят тоску. Это не каприз или признаки душевной болезни, но часть их представлений о жизни, к которым стоит относиться с тактом. И если для достижения *счастья* нужны усилия самого человека, то в *несчастье* этот компонент личности отсутствует, оно приходит независимо от его усилий и действий, как дождь или ураган.

Понятно, что доброжелательное и сочувственное отношение русских к несчастью определило стереотипы их поведения: они очень откровенны в отношении своих несчастий, чем могут испугать западного человека, не привыкшего к подобным манерам. Западные люди этого избегают, не верят в бескорыстность такого поведения. А русскому свойственна привычка говорить о своих несчастьях, рассказывать о своем горе, не сомневаясь в том, что его внимательно выслушают, а потом постараются понять, помочь, поддержать. Мотив сочувствия глубоко укоренен в русской ментальности и сохраняется до сих пор. В этом виден жизненный опыт народа, много испытавшего, много страдавшего, познавшего нужду и научившегося достойно и без истерики относиться даже к самым большим несчастьям.

Однако не стоит воспринимать русских только как мрачных, вечно неудовлетворенных пессимистов, нытиков, которые способны только лишь жаловаться на жизнь. Это неправда. Веками продолжающийся «недобор счастья», сложная реальность и холодный климат приводит в действие психический механизм компенсации. Это выражается в естественной потребности *радоваться жизни «здесь и сейчас»*, не откладывая возможность порадоваться немедленно, а не когда-то «потом» — в виде результата запланированной акции. У русских развились специфические качества психики, позволяющие находить положительные эмоции в реальной жизни, которая может показаться со стороны непонятной и даже неприглядной. Причем, как об этом говорилось выше, радость совсем не обязательно связана с материальным достатком или комфортом: *«Счастья на деньги не купишь»*, — убеждены многие. Поэтому главная мудрость — уметь радоваться жизни при любых обстоятельствах: *«Хоть голый, да веселый»*. Это естественно и даже просто необходимо для «подпитки» жизненной энергии и стойкости духа. Если бы такой механизм психической компенсации отсутствовал, то жизнь стала бы пыткой, и выход из нее только — или самоуничтожение, или уход в алкогольные (наркотические) грезы. Так часто и происходит, и каждый иностранец может в этом убедиться.

Большинство населения России все-таки отличается здоровьем, в том числе и психическим, и как умеет сопротивляется мрачности жизни, ведь *«Веселье — от всех бед спасенье»*, *«Кто умеет веселиться, того горе не боится»*. Поэтому пусть вас не удивляет любовь и постоянное стремление русских к шумным праздникам и торжествам, которые могут длиться не один день, с застольями, с пеньем и плясками. Сопротивление мрачности жизни у русских выражается в обилии праздников, праздничных, выходных и нерабочих дней. Более недели длятся зимние (рождественские и новогодние) и весенние (пасхальные вместе с майскими) праздники. Вообще любая «красная дата» в календаре может обернуться многодневными «народными гуляниями», особенно если она выпала на воскресные дни: тогда праздники «по решению правительства»

растягиваются, захватывая будни. Это выбивает чуть не всю страну из делового ритма и немало изумляет иностранцев: неужели в стране все настолько замечательно, что можно неделями «отдыхать» да праздновать? Эта традиция имеет давние корни.

До революции народные праздники съедали чуть ли не половину рабочего времени и способствовали пьянству. Власти и церковь, как могли, боролись с такой традицией и к концу XIX века сократили количество праздничных дней до 98 (из них 52 воскресенья), что все равно было в 2 раза больше, чем, например, в Австро-Венгрии.

В советские времена праздничных нерабочих дней стало гораздо меньше, но это вполне компенсировалось «профессиональными» праздниками. В целях пропаганды государство объявило почти каждое воскресенье праздником людей определенной профессии. Существовали, например, «День рыбака», «День милиции», «День работников торговли», «День железнодорожника», «День учителя» и т.д. Практически не было таких профессий, которые не имели бы своих праздничных дней, правда, они совпадали с воскресными. Правда и то, что представители других профессий не имели отношения к этим торжествам. Но зато с каким размахом можно было «погулять», наградить друг друга почетными грамотами, повеселиться от души! Масштабы шумихи в СМИ и богатства застолий зависели напрямую от размаха и богатства соответствующей отрасли народного хозяйства. С падением СССР эта традиция не прервалась и поныне здравствует, причем не только в самой России, но и в бывших республиках (особенно на Украине и в Белоруссии). Прежняя система рухнула, но любовь к праздникам и веселью бессмертна!

Русская тяга к радостям жизни выражается и в привычке *расслабиться, отдохнуть*, что на практике означает *посидеть* в компании с друзьями и с горячительными напитками, согласно народной мудрости — «*Живи, не скупись, с друзьями веселись*». Природный оптимизм русских виден и в любви к смешным историям и анекдотам, к смешным сюрпризам и шуткам, в манере оглушительно смеяться до слез — *хохотать*. Кстати, по мнению лингвистов, аналога этому глаголу в европейских языках нет, кроме разве португальского.

В общем, в плане ощущения «счастье-несчастье» русские могут поставить в тупик: редко кто, как русские, способен так буйно и широко веселиться и при этом *хохотать*, но так же редко кто, как они, способен впасть в уныние и *тоску* (тоже непере译имое слово). Может быть, отсюда берет начало миф о «загадочной славянской душе», непоследовательной и противоречивой.

Своим характером, стремлением к «радостям жизни» русские могут удивлять постороннего наблюдателя: «*Они такие веселые — и без всякого основания на это!*» По сравнению с европейской жизнью в России кажется иностранцам тяжелой, некомфортной, но против всякой логики — веселой, беспечной, насыщенной событиями и человеческими контактами.

А русские, конечно, ценят европейскую жизнь за ее комфортность и спокойствие, но с трудом выносят ее скучную монотонность и неумение европейцев веселиться «по-настоящему», т.е. шумно, с размахом.